

ХОРОШИЕ
ИСТОРИИ

НА
ОДНОМ
ДЫХАНИИ

Книга действительно
читается на одном дыхании.
Иронично, легко о сложном...
Любовь к человеку...
Неглупый оптимизм, которого
так не хватает нашему унылому
пониманию действительности.

Юрий Шевчук

Станислав

Кучер

хорошие
истории

Станислав Александрович Кучер

На одном дыхании.

Хорошие истории

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30481030

На одном дыхании. Хорошие истории / Станислав Кучер:

Центрполиграф; Москва; 2018

ISBN 978-5-227-07840-7

Аннотация

Станислав Кучер – главный редактор проекта «Сноб», общественный деятель, кинорежиссер-документалист, теле- и радиоведущий, обозреватель радиостанции «Коммерсантъ FM», член президентского совета по развитию гражданского общества и правам человека. Солидный и довольно скучный послужной список, не так ли?

Но: «Ищешь на свою задницу приключений – просто отправься путешествовать с Кучером» – так говорят друзья Станислава. Так что отправляемся в путь в компании хорошего и веселого рассказчика.

Содержание

От автора	6
В пути	8
Uber-Girl	8
Философский «Сапсан»	10
Христос воскрес, или скучно быть правильным	15
Добро пожаловать в Напервилль!	17
Родиться коровой	19
История одной маленькой реинкарнации	21
Мой веселый папа	26
Назад в будущее	27
Палатка и подвесной мостик	27
Просто мы любим друг друга	31
Настоящие мужики после смерти нигде не валяются	34
От тех, кто там сидит, пейзаж не зависит	39
Ты тоже сын божий	42
Ведьма	44
Первая любовь	58
На что похожа мужская жизнь?	59
Первый шаг к свободному плаванию	65
Темнота и пиво – друзья белых медведей	71
Хорошую религию придумали индусы	77

Станислав Александрович Кучер

На одном дыхании

Хорошие истории

Книга действительно читается на одном дыхании. Иронично, легко о сложном... Любовь к человеку... Неглупый оптимизм, которого так не хватает нашему унылому пониманию действительности.

Юрий Шевчук

Моим дочкам Насте и Маше

Жизнь – это то, что происходит с тобой, когда ты строишь планы на жизнь...

Джон Леннон

© Кучер С.А., 2018

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

От автора

Возможно, мне просто повезло в жизни. Я могу стоять в той же очереди, что и вы, играть с ребенком на той же детской площадке, лететь в том же самолете или валяться на одном с вами пляже.

Но со мной или рядом со мной почти со стопроцентной вероятностью случится нечто (или встретится некто), что непременно встряхнет, рассмешит, вышибет слезу, научит или напомним о чем-то важном. И – окажется достойным как минимум зарисовки.

Мои друзья шутят: «Ищешь на свою задницу приключений – просто отправься путешествовать с Кучером».

Эти истории происходят со мной, во мне и вокруг меня в самых разных местах планеты: от вагона московского метро до джунглей тропического острова. Сначала я начал рассказывать их друзьям, потом записывать, затем делиться ими на своей страничке в Фейсбуке и однажды понял: эта постоянно растущая коллекция ощущений мне дороже, чем все, что я делал как политический журналист за двадцать лет своей карьеры теле- и радиоведущего. Ни одно звездное интервью с чиновником или олигархом, ни один острый комментарий в эфире не приносили мне столько эндорфинов, сколько пересказ просмотренных, подслушанных или случившихся со мной лично обыкновенных на первый взгляд человеческих

историй.

Но, честное слово, при всей своей самоуверенности я бы никогда не набрался наглости сделать из них книгу, если бы в один прекрасный день не понял вот что. Эти истории объединяют – юных и зрелых, левых и правых, верующих и атеистов, европейцев и азиатов. Почему? Понятия не имею. Мне хочется думать, потому, что большинство из них – про любовь к жизни. А этой зависимостью «страдают» или хотят «страдать» все.

Короче, как говорил при встрече один мой приятель, веселый и талантливый алкоголик, рад быть вашим современником! Читайте, а я сделаю все, чтобы не дать вам скучать.

В пути

Uber-Girl

Впервые еду на убере в Штатах. Водитель, необыкновенно красивая молодая девушка мексиканских кровей, легко могла бы победить в кастинге на роль какой-нибудь Покахонтас.

– Вы к нам путешествовать? – спрашивает.

– И путешествовать тоже, – отвечаю.

– Здорово. Я мечтаю путешествовать. А вы откуда? Канада, Европа?

– Россия.

– Россия? Ух ты. А это Европа или Азия?

– Хороший вопрос. Философы об этом лет триста спорят.

– Ну а если серьезно? По карте?

– По карте и Европа, и Азия. Евразия.

– Какое забавное и красивое слово. Похоже на женское имя.

– А вы правда не знали?

– Правда. Вы извините, я из небогатой семьи, на хороший колледж денег нет.

– Ничего страшного, у нас тоже не каждый ваш ровесник знает, что Америк две... А вам бы с такой внешностью в кино сниматься. Вы же в Лос-Анджелесе живете!

– Ну, во-первых, здесь таких знаете сколько? И потом, у меня совсем другая мечта.

– Какая?

– Вы смотрели «Человек дождя»?

– Конечно.

– Я совсем маленькой посмотрела и решила, что, когда вырасту, стану работать с детишками-аутистами. На хороший колледж денег нет, я уже сказала, да? Ну, чтобы диплом врача получить. Но я заканчиваю онлайн-курсы ассистентов по работе с поведенческими отклонениями. Здорово, что теперь есть онлайн-образование, правда? Иначе я бы не смогла и учиться, и зарабатывать.

– А вы же еще путешествовать мечтаете?

– Да, но, значит, малышей я люблю больше, чем путешествия. В общем, через год я уже смогу начать работать. Ура! Только надо будет еще онлайн историю и географию подтянуть. Чтобы дочку Евразией не назвать.

И она так классно и легко рассмеялась.

Философский «Сапсан»

Для того чтобы понять, хорошее кино или нет, достаточно минут десять посмотреть его без звука. Это открытие я сделал сегодня, со скуки поглядывая на плазменную панель в вагоне «Сапсана». Показывали какую-то мелодраму. Каждый раз, когда я поднимал глаза к экрану, попадал на крупный план актрисы, пытающейся изобразить слезы и душевные страдания настолько бездарно, что мне стало жаль актера Певцова, который за это время пару раз нарисовался на общем плане.

Я встал и пошел в вагон-ресторан. По дороге возникло стойкое ощущение, что я еду в Питер не на поезде, а на философском пароходе. Сначала услышал обрывок разговора двух мужчин средних лет:

– Извините, но я не могу не спросить... У вас, видите ли, монголоидный тип лица, ну, глаза узкие. Вы где родились?

– Я якут.

– О, а я в Якутии не был. Но был в Бурятии! У них холодно и такой колоритный фольклор.

А якуты – тоже буддисты или у вас преобладает шаманизм?

В следующем вагоне с подвешенного к потолку монитора на меня снова взглянула заплаканная актриса.

– Актер должен жить ролью, а не радостью от того, что он

получил эту роль.

Этот приговор был произнесен тоном Фаины Раневской. Я не удержался и обернулся – голос принадлежал девушке лет шестнадцати, с фиолетовыми волосами. Она сказала это громко, наверное, потому, что была в наушниках. Я улыбнулся. Девушка повернулась к приятелю и тем же тоном констатировала:

– Пока ты меня не слушаешь, на меня взрослые мужики пялятся. Для женщины нет ничего важнее внимания, запомни. Немного внимания – разве это так сложно?

Я поспешил дальше. Дорогу впереди перегородила проводница с тележкой.

– Дамочка, передайте вашей коллеге, что мое терпение скоро лопнет! – произнес дрожащий от раздражения женский голос из-за спинки кресла. – Мне кофе обещали максимум через пятнадцать минут, а сейчас прошло уже восемнадцать!

– Зато у нас поезда приходят минута в минуту, – с улыбкой ответила девушка. – Но люди не поезда, и да, вы правы, мир несовершенен.

Искренне позавидовав человеку, за которого эта проводница однажды выйдет замуж, я ущипнул себя, чтобы проверить, не сон ли все это – слишком велика концентрация литературных персонажей на единицу пространства и времени.

В вагоне-ресторане не оказалось ни одного свободного места. Люди мало ели, но много и увлеченно дискутирова-

ли. Я занял очередь в буфет и с легким удивлением обнаружил, что вся очередь или сдерживает улыбку, или улыбается, или хихикает. Через пару секунд все стало ясно. За стоячим столиком у окна шла беседа трех уже не слегка подвыпивших мужчин. Видимо, там каждая фраза была на вес золота, но первая, которую услышал я, заставила меня снова вздрогнуть и предположить, что я Трумэн Бербанк и все это шоу снимается только ради меня.

– А кто-нибудь из вас вообще думал о смысле жизни?! Ну хоть раз? За ваши шестьдесят пять и сорок четыре года пребывания на этой планете?!

Актуальный вопрос озвучил парень лет двадцати пяти, с внешностью спивающегося аристократа из советского фильма про деградацию царизма.

– А правда, символично, Петр, что самые острые темы поднимает самый юный из нас? – с улыбкой спросил самый старший и, к слову, самый бодрый и свежий из этой троицы.

– Все закономерно, Алексей, – кивнул тот, который, видимо, был моим ровесником. – Ты из нас – представитель старшего поколения, а значит, самый счастливый. Это миф, что молодым хорошо. Молодые – неврастеники. Люди моего возраста успокоились, но еще сомневаются. Старики – самые счастливые, потому что они еще живы. Плюс мой младший брат – потерянное поколение. Ты, Гриша, нулевой, понимаешь? Ну-ле-вой! – С этими словами Петр попытался потрепать брата по голове, но тут вагон дернулся, и Гриша, пошат-

нувшись, облил себя пивом.

Дождавшись своих блинов с чаем, я занял освободившийся столик напротив.

– Я тоже положила на него глаз. Можно? – Ко мне подошла брюнетка лет тридцати, с вздернутым носиком и черными накладными ногтями.

– Легко, – согласился я и кивнул в сторону «трех богатырей». – Если вы покупали билеты в первый ряд.

– У меня all inclusive, – весело ответила брюнетка, откусывая кусочек пирожного. – Скажите, ну зачем мужчины вот так убивают время и несут такой бред?

– Хм... А вы считаете это гендерным? К тому же почему «убивают»? Они выпили, им хорошо. В отличие от многих для них четыре часа поездки пролетят как одна минута.

– Это точно. В отличие от нас с вами, например. И все-таки рассуждать о смысле жизни – бред и убийство времени.

Тут она взяла паузу, видимо, для того, чтобы я спросил «Почему?». Все было слишком предсказуемо, поэтому я не стал спрашивать. Девушка достала из сумочки плоскую фляжку и сделала глоток. Я передумал и все-таки спросил:

– Почему?

– Потому что в жизни нет смысла! – торжествующе поделилась открытием моя собеседница и протянула мне фляжку.

– Спасибо, не сейчас.

– Или сейчас, или никогда! – Брюнетка посмотрела мне в

глаза с такой самоотверженностью, что я в третий раз захотел, чтобы все это было сном. Во сне ведь все можно, даже стремительное сближение с фонтанирующей банальностями экзальтированной брюнеткой.

– Просто я уже года полтора вообще не пью, – услышал я будто со стороны свой голос и на долю секунды пожалел. И о том, что сказал, и о том, что не пью.

Девушка хмыкнула и, снисходительно окинув меня взглядом, достала из сумочки и поднесла к уху телефон:

– Привет, мой хороший! Ну прости, только сейчас смогла перезвонить. Тут поезд, связь плохая. А ты знаешь, я уже по тебе скучаю! Как там наш малыш? Сам заберешь из садика или маму попросишь? Ну, смотри, как тебе удобнее, дорогой. Что? Поезд? Да что тут может быть интересного? «Сапсан» как «Сапсан»...

Я вернулся в свой вагон. В соседних креслах якут и его любознательный собеседник давно перешли на «ты» и обсуждали перспективы эмиграции в Канаду. На экране монитора по-прежнему пыталась заплакать актриса. Пошли титры, так медленно, словно режиссер монтажа давал ей последнюю надежду заплакать по-настоящему.

Христос воскрес, или скучно быть правильным

Около трех часов ночи возвращаюсь от друзей из Звенигорода. Уже на подъезде к Москве, посреди пустынной трассы, меня тормозит одинокий сотрудник ДПС.

– Христос воскрес! – приветствую его я.

– Воскрес-то он, конечно, воскрес, – окидывая «клиента» опытным и сразу погрузневшим взглядом, отвечает он. – А вот вы по этому случаю могли бы и скорость превысить немного или разговеться чуть-чуть, грамм на пятьдесят хотя бы...

Яркие персонажи встречаются мне среди гаишников не каждую ночь, а потому я сочувственно замечаю:

– Ну, это вам нужно было вчера здесь стоять, я к друзьям на ужин как раз спешил, так что скорость немного точно превышал.

– Вот видите, как все у вас не вовремя! – с укором, без тени улыбки продолжает мягкий троллинг мой собеседник. – Поэтому, видимо, ваши друзья вас среди ночи и прогнали обратно в Москву.

Улыбку я на этих словах скрыть уже не в силах.

– Откуда такая логика? Почему «прогнали»?

– Ну сами смотрите, – все так же неторопливо объясняет он. – Скорость вы не нарушили, значит, домой не очень спе-

шите. Пить не пьете, даже когда, — тут он устремил взгляд к звездам, — даже когда сам Бог велел. Нельзя таким правильным быть, скучно это.

— Ага, — говорю, — раз такая дедуктивная философия пошла, давайте и я предположу: не случайно именно вас в Пасхальную ночь дежурить отправили? И не в первый раз, наверное?

— Вот! — торжествующе резюмирует гаишник. — Я же говорил! Вам еще и на больную мозоль человеку наступить надо. Правильно друзья сделали, что вас прогнали. Ладно, езжайте! Что? Почему документы не посмотрел? А что ваши документы смотреть?! И так все с вами ясно.

Последние слова он произнес с искренней довольной улыбкой. И я до сих пор улыбаюсь. Всегда приятно встретить достойного полемиста.

Добро пожаловать в Напервилль!

Вагон-ресторан поезда «Лос-Анджелес – Чикаго».

Еще минуту назад здесь было оживленно: под стук колес и звон приборов народ увлеченно опровергал тезис о том, что вагонные споры – последнее дело, благо пива и тем для дискуссий хватало. Теперь же все, и я в том числе, молча уставились в окно. Такие пейзажи даже для американского захолустья большая редкость. Слева – гигантское, полмили длинной, кладбище разбитых автомобилей, переходящее в не менее грандиозную мусорную свалку. Справа – сотни брошенных полуразвалившихся домов с ржавыми останками машин и детских площадок во дворах, покосившиеся телеграфные столбы с оборванными проводами, недостроенные бетонные бараки, прогнившие деревянные сараи, горы невнятного металлолома и стройматериалов. В общем, идеальная натура для съемок очередного шедевра братьев Коэнов или, на худой конец, документального сериала о крахе американской мечты на канале Russia Today.

Пассажиры, повторю, пить, болтать и даже жевать перестали – и вдруг по громкой связи раздается бодрый голос проводника, который здесь выступает еще и в роли экскурсовода: «А сейчас, дамы и господа, наш поезд въезжает в один из прекраснейших городов нашей страны, второй по величине в штате Иллинойс, легендарный Напервилль. Легендар-

ный потому, что, по версии журнала «Деньги», этот чудесный город – второе лучшее место для жизни в Соединенных Штатах и самый богатый населенный пункт на Среднем Западе. По рейтингу газеты USA Today это один из самых благополучных и безопасных городов Америки, третий в списке идеальных для жизни пенсионеров...»

Примерно на этих словах люди в вагоне-ресторане (а вместе с ним, уверен, и во всех остальных вагонах) взорвались таким приступом хохота, что я до сих пор удивляюсь, как поезд не сошел с рельсов. Нас всех трясло еще долго, и за это время проводник Карлос (кстати, славный малый, он нам все двое суток пути скучать не давал), видимо, успел выглянуть в окошко...

«М-да-а... Ну, облажался я, дамы и господа, виноват, – снова слышали мы все его знакомый мексиканский акцент. – Хотя... С другой стороны, города – они же как люди, согласитесь! Даже у самого умного и успешного человека есть жопа, просто не каждый ее видит. Вот и мы с вами благодаря железной дороге въехали в нашу национальную гордость через ее... жопу! Считайте, что вам повезло: ни из автомобиля, ни с борта самолета вы бы такого не увидели, это я вам точно говорю! Еще раз добро пожаловать в Напервилль. Напоминаю: на перекур у вас не больше пяти минут!»

Родиться коровой

Водителю, который возил нас в Агру, я задал прямой вопрос:

– Если случится экстремальная ситуация на дороге и придется врезаться или в корову, или в человека, кого выберете?

– Конечно, это будет зависеть от района и ситуации, – уклончиво начал мой собеседник. – Но скорее всего, я наеду на человека. Возможно, удастся доказать, что он был сам виноват, оказался пьян или еще что-нибудь в этом духе. А сбив корову, виноват в любом случае буду я. Корова же не может быть пьяной!

Конечно, не все индийцы – индуисты, конечно, в стране есть рестораны, где в меню вам предложат говядину, и все же в большинстве штатов и городов корова – священное животное, на практике обладающее большими правами, чем сам человек. Недавно соцсети взорвал проект двадцатитрехлетнего фотографа Суджатро Гоша, который запечатлел индийских женщин в коровьих масках и задал вопрос: «Кто в Индии важнее – женщина или корова?» Задачей проекта было привлечь внимание к тому факту, что пережившей насилие женщине (а в Индии изнасилования случаются каждые пятнадцать минут) сложнее добиться правосудия, чем корове. В том смысле, что дела о нападениях на коров (они, понятно, становятся жертвами преступников с другой мотиваци-

ей) суды рассматривают в сто раз оперативнее.

Короче, если вы натворите в этой жизни глупостей и в следующей инкарнации вам предстоит родиться коровой, просите Пространство, чтобы это произошло в Индии.

История одной маленькой реинкарнации

– Ты на самом деле больше не пьешь? – Глаза Алексея округлились, когда в самолете «Москва – Симферополь» я отказался от протянутой мне фляжки с коньяком.

– А потом бросил пить, потому что устал, – попытался улыбнуться в ответ я.

– Ну поешь хотя бы! – Друг подвинул комплект аэрофлотовского обеда.

– Мне вообще ничего оттуда нельзя.

– Кучер, я тебя не узнаю. Ты и диета? Ты и осторожность? Ты что, на самом деле собрался умирать?

– Не забудь главное: труп надо сжечь, а прах развеять над Кара-Дагом, точнее, над морем, но с одной из скал Кара-Дага. В общем, разберешься.

Произнося это, я понимал известный комизм ситуации и где-то внутри даже смеялся над собой. Я вспоминал свою мнительность и героя Джерома К. Джерома из «Трое в лодки, не считая собаки», который, открыв медицинский справочник, обнаружил в себе симптомы всех смертельных болезней, включая родовую горячку. Но еще я вспоминал диагноз того врача из Москвы, который прямым текстом сказал, что на восстановление моего организма (физическое и психическое истощение, нарушение работы поджелудочной,

печени, да чуть ли не вообще всего!) уйдет не один месяц, и прописал строгий постельный режим. На протяжении полета я несколько раз уходил в туалет блевать (хотя блевать было нечем) и возвращался настолько зеленым, что друг, как он рассказал мне потом, в какой-то момент всерьез пожалел о том, что склонил меня к этой аванюре. В конце концов, он рассматривал поездку в Крым как тренировку перед путешествием на Кубу, то есть рассчитывал, что мы вместе будем вечерами выходить на «охоту», ночами устраивать невероятные сексуальные приключения, а днем отсыпаться, чревоугодничать, купаться и готовиться к новым подвигам... А тут вместо проверенного партнера-авантюриста – реальный полуживой труп, который, возможно, надо будет и правда кремировать и развеять над потухшим вулканом...

По дороге из аэропорта в Коктебель я несколько раз отключался в такси, погружаясь в подобие кошмарного сна. Плохо помню, как мы доехали, как поселились в гостиницу, как дотянули до вечера, как Леша ушел на разведку ночной жизни, а я сумел, наконец, заснуть.

А потом начались чудеса. Часа в два ночи я проснулся с чувством невероятной решимости положить всему этому конец. Физических сил по-прежнему не было, есть тоже не хотелось (хотя я жил на одной воде уже трое суток как минимум). Перед глазами стояла приснившаяся мне скала в море, до которой я любил доплывать в далеком детстве, когда летом приезжал в Коктебель с мамой. Я встал, надел плавки,

шорты, футболку, взял бутылку с водой, вышел на набережную и зашагал в сторону Кара-Дага. В те минуты я не был даже уверен, существовала ли эта скала в реальности, — если я и доплывал до нее когда-то, то последний раз это было лет тридцать назад, в середине 80-х. Но ноги уверенно вели меня в темноту, на самый край поселка, где не было ни людей, ни фонарей и только виднелись очертания одинокого волнореза на фоне возвышавшейся над морем легендарной горы. На краю волнореза я разделся, засунул в плавки бутылку с водой, попробовал разбежаться и то ли нырнул, то ли упал в море.

В нос ударил сильный запах водорослей и йода, под водой я открыл глаза, сделал несколько гребков, стараясь погрузиться поглубже, а когда воздух в легких закончился, пробкой вылетел наверх. Помню, что, когда я плыл вперед, у меня возникло полное ощущение, что я переселился в тело себя двенадцатилетнего, я ни о чем не думал, а просто плыл, нырял, выныривал и радовался тому, как здорово у меня все это получается — нырять, плыть, видеть звезды наверху и силуэт Кара-Дага справа. А потом я, ни разу не удивившись, увидел эту скалу. Точнее, большой, почти плоский камень, на котором я когда-то мог валяться часами, читая притащенную с собой в надежно завязанном полиэтиленовом пакете книжку «Одиссея капитана Блада». Я забрался на него, сделал глоток воды из бутылки и уселся... хотел написать «в позу медитации», но это будет вранье — я сел просто так, как мне

было удобно.

На этом камне я провел около пяти часов. Я сидел то с открытыми, то с закрытыми глазами – сначала путешествовал во времени, погружаясь в самого себя двадцатилетней давности, потом «втыкал» в горизонт, впивался взглядом в волны и в какой-то момент вообще перестал ощущать себя как самостоятельную единицу. Я не чувствовал ни холода (август был теплым, но ночь все-таки), ни голода, ни прикосновения ветра или брызг – вообще ничего. Были минуты, когда я о чем-то разговаривал – то ли с Богом, в которого не очень верил, то ли с морем, в которое верил точно, то ли со всем пространством одновременно. Может, просил о чем-то – не помню. Но помню, что, когда я осознанно открыл глаза, уже давно рассвело – и я знал, что стал другим человеком. Точнее, как в песне Никольского, я «стал таким, каким я не был, и остался тем, кем был». Нет, никакого просветления, каким его рисуют в разных умных и дурацких книжках. Просто я снова почувствовал себя необыкновенно живым. Каждым миллиметром кожи я ощущал теперь и дыхание ветра, и невидимую влагу, которую он нес, запахи стали острее, краски ярче. Оглянувшись назад, я с чувством приятного удовлетворения обнаружил, что проплыл почти километр от берега, и теперь величественный и могучий Кара-Даг смотрел на меня не справа, а сзади, переливаясь в рассветной дымке всеми оттенками розового и оранжевого. Еще час или два я любовался игрой света и воды. Мыслей было мало – их место

заняло очень мощное ощущение спокойной радости от того, что я в принципе есть в этом мире, и этот мир есть у меня.

Не скажу, что мои мышцы мгновенно окрепли, – нет, слабость по-прежнему оставалась. Но это была уже приятная слабость, потому что я точно знал: она пройдет, как по моему желанию придет или уйдет вообще все, что мое тело или ум могут ощущать. Я даже несколько раз отжался от приютившего меня камня, сказал ему спасибо за эту ночь и поплыл обратно.

На берегу, уже одевшись и зашагав в сторону нашего отеля, я вдруг понял, что готов сожрать слона. Слона поблизости не оказалось, а потому в прибрежной закусочной я заказал солидную порцию бараньего шашлыка с острым соусом и свежим лавашом. Уничтожив все это, я закончил завтрак пахлавой и чашкой кофе по-турецки. Затянувшись сигаретой и выпустив дым, я улыбнулся, потому что понял, как зверски нарушил сразу все рекомендации врача. Я даже рассмеялся, потому что ясно увидел себя вчерашнего со стороны. Самое клевое – мне не было стыдно за свои недавние слабость и уныние. Мне было просто очень и очень хорошо. Это был первый момент, когда я понял: при всем уважении к профессиональным эскулапам, я сам себе врач, и лучше у меня не будет. Я и море, небо, горы, Природа, Бог, а точнее, все это вместе. Все, чем является на самом деле каждый.

Мой веселый папа

Спал мало, проснулся рано, сел за руль, встал в пробку. Голова тяжелая, небо и лица вокруг хмурые, народ нервничает, сигналист. Мне звонят по скайпу из Штатов, но связь срывается. Какой-то мужик пытается нагло влезть справа, а гаишник впереди пристально смотрит на мою машину и поднимает свой жезл... В этот момент мой взгляд падает на слегка помятый рисунок дочки, он почему-то оказался на полу. На рисунке – солнце, а под ним существо с огромной головой и зубами вместо лица – «Это мой веселый папа». Я вспоминаю, что зубы Маше помог дорисовать я, и криво улыбаюсь. А еще вдруг вспоминаю любимую присказку одного, в отличие от меня, действительно всегда веселого человека: «Расслабься, о тебе заботятся!» – и улыбаюсь уже во все зубы, как на рисунке. И мне вдруг так хорошо становится. Я включаю поворотник, чтобы подъехать к гаишнику, и тут соображаю, что он остановил не меня, а того чувака, что меня подрезал. Через минуту раздается звонок, которого я ждал, и мы общаемся вообще без помех. Врать не буду, солнце не вышло, пробка не рассосалась, а лица в машинах вокруг по-прежнему разные. Но день уже все равно начинает мне нравиться, чего и вам желаю:)

Назад в будущее

Палатка и подвесной мостик

Они стояли на подвесном мостике и смотрели, как впереди мелкий Орлик перерождался, впадая в полноводную Оку. По легенде, именно здесь остановился однажды с дружиной князь и, увидев парящего над стрелкой орла, назвал в честь свободной птицы будущий город.

– Орлик, ну и куда с тех пор подевались твои орлы? – театрально воззвал к речке долговязый парень в армейской гимнастерке и очках с гигантскими диоптриями.

– Все просто, дорогой, – в тон ему ответила хрупкая девушка в мини. – Вслед за князем пришли люди, развели куриц. А где правят курицы, увы, орлам делать нечего.

– То есть я правильно понял, что, почувствовав себя «белой вороной», ты отправилась в поисках благородных птиц на берега Невы? – продолжал им одним понятный диалог парень.

– Увы, на невских ветрах орлы тоже не живут, – печально констатировала девушка. – Пришлось мне довольствоваться длинноногим, но очень нахальным, нахальнее любого орла, аистом. И вот аист принес в клювике...

Здесь девушка вдруг бросилась к парню, уткнулась носом

в его гимнастерку и прошептала:

– Санька, любимый, дорогой, я же все понимаю... Второй курс, жить негде, предки работу бросать не хотят. Закончим универ, устроимся нормально, нарожаем еще... Врач есть отличный... Я готова, ты только скажи!

– М-да, – с напускной задумчивостью произнес потенциальный отец и закурил папиросу. – Вот так просто: раз – и засыпали ручей. И не стал ручеек Орликом, Орлик – Окой, Ока – Волгой. Так иссяк Мировой океан. Знаешь, Натка, говорят же, чтобы ему вон туда попасть, – тут парень с подчеркнутой деловитостью перевел взгляд всех своих «четырёх глаз» с собственных брюк на аккуратненький живот своей подружки, – он один из миллионов пробиться должен. Из миллионов. Один! Ему уже повезло! Какой, к черту, врач?! Будет Сан Саныч, родится в Питере, весь курс нянчить станет!

– А может, все-таки Олег? Олежка, такое красивое имя...

– Олежка? Это в честь твоего ухажера из девятого класса?! Который тебе стихи написал? «Ты будешь моею, а то заболую»?! Ну уж нет. Прости, Сан Саныч, придется, раз такое дело, тебя вместе с мамой твоей неразумной сразу с этого мостика в мутные воды Орлика сбросить!

Парень схватил девчонку в охапку и поднял над самыми перилами.

– Эй, молодежь, не идиотничайте! – пригрозил палочкой ковылявший мимо дедок. – Здесь мелко! Будешь потом ей в больницу апельсины носить!

– А я и так ей скоро буду в больницу апельсины носить!
И дыню! И даже бананы!

– Санька, мне это все будет нельзя!

– Все можно, нам будет можно все!

– Так, значит, точно – никаких врачей!

– К черту врачей! В баню! В топку!

И они снова обнимались, целовались, залезали на перила и кричали всякие глупости про орлов, куриц и, главное, аистов. Так и я болтался вместе с ними на этом легендарном подвесном мостике, между мутной речкой и синим небом – если родители не врут, в этот летний день 1971-го над Орлом не было ни облачка и вообще стояла жара – поэтому, остановившись у маминых родителей, они проводили ночи в палатке, которую разбили в саду. Видимо, в той палатке и была зачата моя любовь к путешествиям.

Историю этой болтовни на подвесном мостике я тысячу раз слышал и от отца, и от мамы. Они утверждают, что только дурачились, а решили все накануне – и даже уже сняли отдельную комнату неподалеку от университета. Но им типа нравилось подначивать друг друга, особенно маме – напрашиваться на признания молодого мужа-однокурсника в готовности стать отцом. Конечно, каждый из них утверждал, что сомнения если и были, то совсем слабенькие и со стороны другого.

А мне все равно. Как все равно, насколько точно я изобразил их диалог, – мама, во всяком случае, утверждает, что

очень близко к тексту. Я просто благодарен им обоим за то, что в их жизни случилась сначала та палатка, а потом этот подвесной мостик.

Четыре года назад, когда незадолго до его ухода мы приехали с отцом в Орел, он первым делом попросил отвезти его к этому мостику. Долго стоял на нем один, курил. Потом достал из кармана мамину фотографию, на том же месте, в начале 80-х. Потом я сфотографировал его, хотя было уже темно. Уходя он, прощаясь, постучал тростью по перилам. А в машине сидел и улыбался.

– Понимаешь, – объяснил папа свое приподнятое настроение. – Всего два раза я был на этом мосту. И оба раза кое-что родил.

– Ну, с первым все понятно, – сказал я. – А что ты родил теперь?

– Афоризм! – с огоньком в глазах ответил отец. – Наша жизнь как подвесной мост. Нельзя по ней толпой и в ногу. Только каждому со своей песней!

Просто мы любим друг друга

Дело было в Норильске. Как-то раз я заглянул в родительскую спальню и увидел, как папа с мамой увлеченно целуются.

– А что вы делаете? – спросил я, нахмурившись.

Родители не стали искать сложных путей и ответили:

– Мы обнимаемся и целуемся.

– А почему?

Отец почесал бороду и, посмотрев на маму, ответил:

– Потому что мы любим друг друга.

– Ясно.

Я закрыл дверь и пошел играть в свою комнату. На следующий день в детском саду я подошел к девочке Ане. Во-первых, Аня была красивая. Во-вторых, она лучше меня завязывала мне шнурки на ботинках.

– Поможешь? – спросил я, опустив взгляд на шнурки.

– Эх ты, как всегда! Тебя уже одного в тундру отпускают играть, а ты до сих пор со шнурками разобраться не можешь! – Аня аккуратно, с демонстративной снисходительностью, перевязала мне шнурки. – Ну, вот!

Я посмотрел на Аню и, прежде чем она могла успеть среагировать, обнял ее и поцеловал куда-то в нос. Получилось, наверное, ужасно смешно и неуклюже. Но Аня не отстранилась, рассмеялась и обняла меня в ответ. Даже мой детский

ум понял: эта классная игра понравилась ей больше, чем за-
вязывание моих шнурков.

– Аня! Стас! Что вы делаете?!!

Над нами нависла грозная фигура местной
фрекен Бок, кажется, ее звали Зинаида Васильевна. Я да-
же не успел испугаться и бойко ответил:

– Мы целуемся и обнимаемся, Зинаида Васильевна!

– Но почему?!

Ужас и шок, увы, только усилились после моего безыскус-
ного ответа:

– Потому что мы любим друг друга!

Все, что я знаю о событиях следующего дня, я знаю от ма-
тери. Они с отцом и родителями Анечки стояли перед вос-
питательницей и директором сада и слушали страшные исто-
рии про болезнь раннего полового созревания, поразившую
их чад. Директриса нервно курила и, наконец, не выдержала:

– Ну, они же еще дети совсем, даже не октябрюта еще!

Мама уткнулась отцу в плечо, а отец, услужливо прику-
рив директрисе еще одну папиросу, сочувственно поинтере-
совался:

– Простите, а что бы вы сказали вашему ребенку, если бы
он увидел, как вы занимаетесь любовью с мужем? По-моему,
здорово, когда дети видят, как их родители любят друг друга.

– Но они же так вообще все повторять за вами начнут! –
всхлипнула воспитательница.

– Все не начнут, – заверил ее отец. – Мы с женой каждое

утро, как поцелуемся, читаем вслух передовицу «Заполярной правды». А от этого я своего сына еще лет десять точно поберегу.

Уходя, мама услышала шипящее вслед:

– Вот! Я же говорила, что из Москвы и Ленинграда к нам одни хиппи и извращенцы едут!

Настоящие мужики после смерти нигде не валяются

Молодые газетчики чаще всего – веселые и остроумные пьяницы. Старые, если доживают, не переставая пить, – тяжелые занудные алкоголики. В наши «норильские годы» моим родителям и их друзьям не было и тридцати, а потому регулярные репортерские пьянки на нашей квартире я только приветствовал. Во-первых, приходило много веселых людей, которые травили смешные байки, пели красивые песни, танцевали и стильно дымили своими трубками. Во-вторых, мне очень часто приносили подарки. В основном поделки-самоделки – бумажные самолетики, картонные кораблики, баржи из пепельниц, космические корабли из чеканки. Но круче всех выступал дядя Сережа – высокий парень с запорожскими усами с неизменно хитроватой улыбкой. Он всегда устраивал сюрпризы. Больше всего я запомнил настоящий танк с «броней» из сочетания мягкого и жесткого пластика, у которого был пульт управления и который стрелял настоящими резиновыми пулями! Понятия не имею, откуда он его привез, но от танка в восторге была вся тусовка, что уж говорить обо мне...

Крепко выпив, дядя Сережа сказал, что для человека вообще нет ничего невозможного, надо только очень захотеть. – Вот какую игрушку ты теперь хочешь? – спросил он ме-

ня.

– Пушку, – не раздумывая, ответил я. – Такую же настоящую, как этот танк. Чтобы стреляла высоко-высоко!

– Будет тебе пушка! – хлопнул меня по плечу дядя Сережа.

Они были большими приятелями с отцом, и, если отец был для меня строгим, суровым богом, способным, если я плохо себя вел, показать кулак и пригрозить неизвестным мне «языком пролетариата», то дядя Сережа был эдаким добрым старшим братом, всегда готовым побаловать.

С того вечера я стал ждать обещанную пушку. Я знал, дядя Сережа всегда держит слово. Но пушка все не появлялась, как не появлялся и дядя Сережа. Вечеринок у нас не было долго, потом они снова возобновились, но дядя Сережа не приходил. Часто отец или кто-то из его друзей передавали мне симпатичные сувениры – с Таймыра, Дудинки, из Красноярска, со словами «Это от дяди Сережи, просто он пока в разъездах сам».

– А как же пушка? – расстроено спрашивал я.

– Ищет он пушку твою, ищет, – отвечали мне. – Пушка большая, ее не так просто привезти.

И вот однажды, через несколько месяцев, в разгар очередной вечеринки, отец вкатил в комнату зеленую пушку размером с приличную табуретку. С лафетом, длинным и ровным стволом и... резиновыми снарядами, почти как в том танке.

К пушке тоже прилагался пульт – он был какой-то совсем

кустарный, но тогда я этого не заметил. Я был снова на седьмом небе от счастья, возился с ней полчаса, забыл о гостях, а гости забыли обо мне...

И вдруг я огляделся и спросил:

– А где же сам дядя Сережа?

И тут какой-то крепко уже поддавший мужик вдруг говорит:

– Пацанчик, да ты что, забыл, Серега еще весной разбился, когда из Красноярска сюда летел...

– Как разбился? – не понял я.

– Ну, на самолете, летел, летел и не до-ле-тел... – по слогам, с кривой усмешкой еле выговорил мужик.

Дальше была не совсем приятная сцена с участием подружки этого мужика, моих родителей, после чего все гости ушли, и мы остались втроем.

Не помню, чтобы я сильно плакал, но мне было очень плохо, я ничего не понимал, мне казалось, что меня кто-то предал.

– Понимаешь, Стас, мы решили тебе сразу не говорить об этом, – обнимая меня за плечи, объясняла мама. – Взрослые часто не знают, как о таких вещах рассказывать своим детям. И Сережа... дядя Сережа, он же был не просто так, он же нашим, твоим другом был...

– А откуда же тогда эта пушка? – вдруг спросил я.

Отец с матерью переглянулись.

– Он, как и обещал, нашел ее и вез тебе, – вздохнул отец. –

В багажном отсеке самолета. Просто ее не сразу нашли, когда самолет упал.

Мне было почти шесть, я знал, что самолеты, случается, падают, и к тому времени уже погиб мой дедушка, поэтому и про то, что в какой-то другой мир уходят люди, я тоже знал. Знал и не знал. Не осознавал, не понимал, не мог представить.

– А что теперь с этим самолетом? – зачем-то спросил я. – Он что, там, где-то в тундре, упал и валяется?

– Да, сын, – просто ответила мама.

– И дядя Сережа тоже там, где-то в тундре, упал и валяется? – снова спросил я.

Следующий момент я помню так отчетливо, будто это было только что. Отец налил себе стакан водки, чокнулся с армейской флягой, выпил, набрал в легкие воздуха и сказал:

– Конечно нет, Стас. Дядя Сережа – он настоящий мужик, понимаешь? А настоящие мужики, даже когда умирают, они нигде не валяются. Они... уходят в тундру. Или улетают за сопки. Точно никто не знает, потому что больше никто их не видит. И ты Сережу больше не увидишь. Стреляй теперь из пушки и вспоминай, какой он был хороший дядя.

Пушку я поставил на балкон и никогда из нее не стрелял. И глубоко внутри еще месяц, наверное, обижался и на маму с папой, и на дядю Сережу, и вообще на всех взрослых.

А через несколько лет я узнал вот что. Дядя Сережа, хоть и был отличным репортером, другом семьи, балагуром и со-

бутыльником отца, никогда не отличался обязательностью и вниманием к детям. Видя, как я к нему привязался, мой отец всегда заранее покупал что-нибудь или делал своими руками, а потом передавал Сереже, чтобы тот уже как бы от себя делал подарок мне. Так было и с тем самым уникальным танком, так, видимо, должно было стать и с пушкой. Но однажды Ил-18 не долетел из Красноярска в Норильск, и в нем правда был дядя Сережа. И родители правда не знали, как мне об этом сказать, – таскали сувениры от его имени, а потом отцовские приятели с какого-то завода сделали, наконец, давно обещанную пушку.

Несколько лет назад, чокаясь со мной в питерской квартире и вспоминая эту историю, отец вдруг произнес:

– Конечно, надо было тебе сказать правду сразу. Похоже, мы все-таки были плохими родителями.

Я просто обнял его и в очередной раз почувствовал: каким бы в разное время ни был по отношению ко мне и моей маме этот человек, я никогда бы не пожелал себе другого отца.

От тех, кто там сидит, пейзаж не зависит

Летом 1984-го мы с мамой приехали в Москву на каникулы. Шли по Большому Каменному в сторону Замоскворечья (я хотел в Парк культуры, но мама уговорила в Третьяковку). Остановились полюбоваться видом на Кремль и Москву-реку. Мама достала из сумочки трехрублевую купюру, и я увидел, что на ней один в один тот же пейзаж.

— Поэтому в народе этот вид называют «трехрублевкой», — объяснила мама. Затем она, видимо, решила немного поднять пафос беседы с сыном и сказала: — А вон там, за кремлевской стеной, сидят и работают руководители страны. Представляешь?

От великодержавных фантазий нас оторвал веселый уверенный голос. Расположившийся с мольбертом поодаль старичок (которому мы, кстати, частично загородили натуру), с доброй улыбкой изрек:

— И не представляй, юноша! От того, кто там сидит, пейзаж не меняется.

Моя мама явно оценила глубину мысли художника, но пазовать перед сыном тоже не собиралась:

— Ну как же, дедушка, не меняется? И дома новые строят, и города целые, даже реки, говорят, раньше вспять поворачивали! Да вы, наверное, и сами помните...

– Я-то помню, дочка, – уже серьезнее, но тем же добрым голосом ответил дед. – Я вот этими руками и дома, и города строил, пока, спасибо Никите Сергеевичу, домой не вернулся...

За время работы журналистом в Норильске моя мама общалась со многими репрессированными. Наверное, если бы не я, она и с этим дедом пооткровеннее и подольше поговорила. Но тогда, заглянув художнику в глаза, мама произнесла только:

– Вот видите... Получается, пейзаж от них все-таки зависит.

– Нет, дочка, не зависит, – все тем же ровным, совсем не старческим голосом ответил дед, глядя куда-то сквозь нас, сквозь кремлевские башни и вообще сквозь время. – Они же там, за стенкой, меняются, вон сколько их, что там на моем, на твоём веку сменилось! А пейзаж, я его двадцать лет уже рисую, не меняется. Пейзаж... – тут дед философски вздохнул, – от меня зависит, от того друга моего, что «стукнул» на меня в 38-м, от тебя, дочка, каким ты юношу вот этого воспитаешь. Вот от нас только пейзаж и зависит. Как сами рисуем, так и будет.

– А можно посмотреть, как у вас получается? – вероятно решив закончить «опасную» для моего пионерского мозга тему, спросила мама.

Дед охотно кивнул и чуть развернул мольберт. Мы подошли.

С листа ватмана на нас смотрела все та же «трехрублевка», только вместо звезд кремлевские башни венчали кресты, а на сам Кремль с неба сурово взидало суровое лицо с усами и бородой. Нечто среднее между Сталиным и Богом (впрочем, в двенадцать лет я слабо представлял себе обоих).

– Мама, а странный этот дедушка-художник, правда? – спросил я, когда мы, откланявшись, продолжили прогулку.

– Оптимист-авангардист, – задумчиво резюмировала мама, доставая из сумочки сигарету (при мне она почти не курила). – Слушай, сын, ты же так хотел на аттракционы, ну так пойдем! Я передумала: ну ее на фиг, эту Третьяковку!

Ты тоже сын божий

Мой прапрадед по материнской линии служил священником в Курской губернии. Фамилия у него была соответствующая – Попов, звали отец Георгий. Бабушка рассказывала семейную легенду о том, как однажды на городской ярмарке к нему, пошатываясь, подошел известный хулиган и пропойца Семен.

– Ну что, батюшка, научишь меня, грешного, жизни праведной? – громогласно, играя на публику, спросил он. – Или меня теперь только могила исправит?!

– Христос воскрес! – улыбнулся ему в ответ мой прапрадед.

– Да ты еще пьянее меня, батюшка! – заржал Семен. – Уж месяц прошел, как разговелись-то!

– А Пасха здесь ни при чем, – все так же улыбаясь, ответил отец Георгий. – Я ж не приветствую тебя, а напоминаю: Иисус воскрес! Значит, и ты сможешь.

– Так он же сын Божий, а я и сам толком не знаю чей! – оглядываясь вокруг, снова засмеялся Семен.

– Ты тоже сын Божий, вот поймешь это однажды и тоже воскреснешь, – сказал батюшка. – А пока пойди выпей квасу, а то совсем худо тебе, я вижу...

Засим отец Георгий вложил парню в ладонь монету и пошел своей дорогой.

Бабушка говорила, что Семен после этой встречи сильно преобразился, стал ходить к деду на исповедь, завел свое дело, обзавелся семьей – короче, превратился в приличного человека. Не знаю, так ли оно все было, но верю, что близко к тексту, – уж очень мне нравится эта история.

Ведьма

– Алло! Здорово! Жду на волейбольной площадке. На фигуристки! Не пожалеешь!

Красная телефонная трубка, казалось, взорвется – настолько возбужденным был голос Макса, законопослушной «флегмы», который обычно в выходные просиживал штаны дома за чтением ненаучной фантастики и приключенческой пошлости типа «Одиссея капитана Блада». Его слышала даже бабушка на кухне – несмотря на симфонию шкворчащих на сковородке котлет и страшных радиопомех, из-за которых временами прорывался концерт Вертинского по «Голосу Америки». Мне повезло с бабушкой по многим причинам. Например, не каждого внука в одиннадцать лет вот так легко, даже не проверив домашнее задание, отпускают в воскресный вечер на улицу:

– Беги сейчас же! И без сенсации не возвращайся! Иначе сама съем твои любимые котлеты!

На краю волейбольной площадки, в тени старого клена, меня уже ждали Макс и наш приятель Юрка, который, как выяснилось, и был автором ошеломляющего открытия.

– Она совсем недавно в наш двор переехала, – почти шепотом сообщил Юрка. – Про нее еще почти никто не знает! Я случайно столкнулся с ней вчера.

– А я о таких пока только читал, – с предвкушением ося-

заемой мистики проговорил Макс. – Но она – самая настоящая. Сомнений тут быть не может. Она сидит здесь только в сумерках, когда нормальные бабки по квартирам прячутся.

– Да кто «она»?!

– Ведьма!

Я посмотрел на угловой подъезд нашей девятиэтажки, куда были прикованы взгляды моих друзей. На скамейке, которую обычно, глотая семечки и выплевывая сплетни, оккупируют бабульки в платочках, сидела в целом очень похожая на них старуха. Разница была только в том, что ее язык не поворачивался назвать бабушкой. Бабкой, старухой и... Присмотревшись, я понял, что она и правда напоминала ведьму – ну, как о них рассказывал Гек Финн или изображали в сказках Гофмана. Сгорбленная спина, длинная кривая клюка в костлявой руке и, главное, густая копна нечесаных седых волос, из-за которых я не мог рассмотреть лицо. Еще она курила и беззвучно шевелила губами.

– А теперь, настоящий индеец, – глубоко дыша, торжественно обратился ко мне Макс, – ты сам добудешь главное доказательство того, что она ведьма. Ты должен пройти мимо нее, приостановиться, улыбнуться и что-нибудь спросить.

Было только начало седьмого вечера, мимо нас с работы брели люди, да и вообще весь мир знал, что, как настоящий индеец, я мог ночь на кладбище провести и не пикнуть! И все равно по спине у меня пробежал холодок.

– А зачем?

– Ты же сам говорил, что индейцы узнают жизнь на ощупь!

Через несколько секунд я беззаботной походкой пионера на свободе приближался к заветной скамейке. Для храбрости насвистывая «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!». Остановившись прямо перед старухой, я наполнил легкие вежливостью и выпалил:

– Добрый вечер! Простите, вы не подскажете, который час? А то скоро фильм про войну показывать будут, а я хотел сначала...

Закончить фразу я не успел. Старуха рывком головы откинула назад волосы и одарила меня таким исполненным необъяснимой, многогранной и пронзительной злобы взглядом, что он меня потом не одну неделю по ночам будил. Одновременно она с пеной у рта промычала что-то совершенно нечленораздельное и огрела меня клюкой. Было больно, но это ерунда. Главное, стало действительно страшно.

Оказавшись снова в кругу друзей, я с удивлением обнаружил, что нас стало четверо: пока я узнавал жизнь на ощупь, к пацанам присоединилась наша подружка и одноклассница Женька. Она, судя по всему, видела, как старуха обошлась со мной, и теперь смотрела в сторону подъезда глазами, в которых смешались испуг, любопытство и азарт.

– А теперь смотри внимательно! – не дожидаясь моей реакции, прошептал Макс. – Женька, твой выход! Да не бойся, Юрка же все объяснил...

– С тебя сочинение о пионерах-героях! – решительно вдохнув и выдохнув, напомнила Максу Женька и пошла повторять только что проделанный мной маршрут.

Мы видели, как она, так же как и я, остановилась напротив старухи и вежливо спросила у нее что-то. Дальше мои глаза округлились: ведьма медленно подняла голову, и на ее лице появилось подобие... улыбки! Мы плохо слышали, что она говорила, но губы ее шевелились так, будто она рассказывала нашей подруге добрую сказку. Затем она достала откуда-то яблоко, протерла его и вручила Женьке, как родной внучке, привстав и обняв за плечи!

Я был поражен. Макс светился гордостью и удовлетворением, словно Шерлок Холмс, получивший только что неопровержимое доказательство своей теории. Юрка взирал на него с восхищением доктора Ватсона. Женька, поигрывая яблоком, шла к нам. Старуха встала и скрылась за дверью подъезда.

– Это все Юрка, он ее первым заметил, – повторил Макс, когда мы уселись обсудить это дело в большой комнате моей квартиры.

Моя бабушка любезно принесла блюдо с котлетами, я поставил на проигрывателе «Бременских музыкантов», чтобы нас, если что, было сложнее подслушать, ну и вообще для конспирации.

– Ну да, я вот так же, как ты сегодня, шел по двору, смотрю, какая-то незнакомая тетка пачку сигарет уронила, – на-

вернув пару котлет, рассказал Юрка. – Я эту пачку поднял, протягиваю ей, говорю: «Вы уронили!» Она пачку взяла, потом оглядела меня с ног до головы – а я как сейчас был, вот в этой тельняшке, – и как замычит, и как набросится на меня с этой палкой своей! Только по тебе, Стас, она всего один раз попала, а по мне раза три, не меньше, вон, следы остались! – И наш приятель, задрав тельняшку, продемонстрировал синяк на правом боку.

– А сегодня мы с Юркой за ней уже вместе наблюдали, – снова перехватил инициативу Макс. – И знаете что? Днем она сначала побила близнецов из 6-го «Б», они на детской площадке в войнушку играли, потом этой палкой совсем взрослому пацану чуть магнитофон не разбила...

– Детей, получается, не любит? – предположил я.

– Ты дальше слушай! Юрка поговорил с близнецами, они рассказали, что она только мальчишек ненавидит и палкой своей бьет. А девчонок, наоборот, яблоками угощает и даже в щеки целует!

– А потом я это и сам видел, – продолжил Юрка. – Она из кондитерской выходила, а навстречу ей девчонки из школы гимнастики. Так она им полпакета ирисок в карман отсыпала!

– А сейчас ты сам уже знаешь, как она с тобой обошлась, а как с Женькой! – подытожил Макс. – Ну, что скажешь, Зоркий Сокол?

Зорким Соколом меня назвали в честь героя Гойко Ми-

тича, когда мы сколотили наше индейское племя. А потом я по традиции «защитил» свое имя, всадив с двадцати шагов девять стрел из десяти в самую тонкую яблоню во дворе.

– Жень, а что она тебе так долго говорила? – повернулся я к нашей единственной «скво».

– В том-то и дело, что она не говорила, – немного взволнованно рассказала Женька. – Она почти мычала, причем так жалостливо и призывно... Будто хотела мне что-то важное сказать или позвать куда-нибудь.

– Самая настоящая ведьма, – констатировал Макс. – Но не мальчишки ее цель. Их она просто терпеть не может и гоняет для вида. Ей девчонки нужны, она их домой к себе заманить хочет и в учениц своих превратить.

– Может, милицию вызвать? – осторожно предложила Женька.

– Чтобы они, как в прошлый раз, у нас луки и стрелы отобрали, а ее отпустили? Как с теми алкоголиками? Нет уж, сами разберемся. Пусть сегодня каждый подумает, а завтра снова на совет соберемся.

Все заулыбались. Это была дивная история, как мы решили проучить алкоголиков-картежников и горящими стрелами сожгли стол во дворе, за которым они вечерами напивались и матерились. Мне этот подвиг стоил похода в детскую комнату милиции, так что людям в погонах я с тех пор не доверял.

Зато я доверял своей бабушке и перед сном рассказал всю

эту историю.

– Да, это похоже на сенсацию, не зря вы котлеты все слопали, – задумчиво согласилась она.

– А может, старуха просто сумасшедшая? – с надеждой спросил я. – Все-таки сражаться с бледнолицыми алкашами – одно дело, а со всякой чертовщиной – совсем другое.

– Понимаешь, внук мой дорогой, во-первых, она не старуха, – сказала бабушка. – Я ее видела из окна, и ей вряд ли больше сорока пяти лет, то есть она намного моложе, ну, например, меня, а ты же меня старухой не называешь?

– Но она злая и жестокая!

– Не ко всем, как видишь, не ко всем. Может быть, она просто больна. Но она не сумасшедшая – такую бы одну в наш дом не переселили, а твой Юрка сам рассказывал, что она теперь в однушке на шестом этаже живет.

На следующий день была школа, и мы с Максом и Юркой обсуждали план проверки ведьмы на колдовство, а также последующего разоружения ее и выведения на чистую воду.

Вбежав домой, чтобы открыть «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна», где подробно описан один из обрядов, я услышал от бабушки:

– Смотри, похоже, я была права. Видишь «скорую»? Наверняка это к ней.

Наши окна выходили во внутренний двор дома, и мы могли отлично видеть угловой подъезд. Сидя на кухне, бабушка штопала на своем древнем «Зингере» и временами поглядыва-

вала в окно. Вдруг она резко встала и прильнула к стеклу. Я подошел и увидел, как из подъезда, отряхиваясь, ругаясь и держась за поясницу, вышел пожилой военный в фуражке, за ним, что-то виновато бормоча, семенил лысоватый врач в белом халате. Ничего мне не объясняя, бабушка накинула плащ и вышла из квартиры. Я видел, как во дворе она встретилась с военным, взяла его за руку и повела в яблоневый сад на другую сторону дома. Лысый доктор между тем сел в «скорую», потом из подъезда вышли еще двое санитаров в белых халатах. Машина уехала.

Я бал разочарован и обрадован одновременно. Значит, все-таки не ведьма. Ведьмы же не болеют. «Скорые» к ним не приезжают. И уж тем более военные не ходят. Но «Тома Сойера» я на всякий случай все же открыл...

Когда бабушка вернулась, по ее лицу сразу стало ясно, что происходит нечто драматическое. После потери сына, моего дяди, задолго до моего рождения, а потом мужа, моего деда, когда мне было пять лет, она, как говорила мама, совсем разучилась плакать, а, когда хотела, просто становилась очень и очень серьезной. Бабушка сняла плащ, но не повесила его на вешалку, а сложила в руках и, сев на диван, оставила на коленях. Она всегда держала этот плащ в руках, когда ей надо было о чем-то как следует подумать и принять важное решение. Точно так же она сидела год назад, когда они с мамой решали, ехать ли маме по контракту на Чукотку.

– Стас, эта женщина – не ведьма, – четко и спокойно про-

изнесла бабушка. – Запомни сам и передай всем своим друзьям. Не вздумайте ничего с ней делать, да у вас и не получится: сегодня ей сделали укол, а завтра ее заберут в... небольшую больницу, месяца на два, наверное. Ты меня понял, внук мой единственный?

– Понял, – сразу, но не без легкой досады согласился я. – А кто этот дядька старый в фуражке?

– Это просто старинный знакомый нашего деда, – ответила бабушка. А теперь извини, мне нужно позвонить одной подруге, только это очень деликатный разговор. Почитаешь пока на лоджии?

Был май, потом мы все разъехались по лагерям и родственникам на летние каникулы, а когда снова встретились в сентябре, про злую старуху даже не вспомнили – столько накопилось новых впечатлений, к тому же о ней, после того, как ее в самом деле куда-то увезли, никто ничего не слышал.

Я увидел ее снова в начале октября, в самый разгар бабьего лета. Неожиданно, это была очень красивая сцена. Она стояла, по-прежнему слегка согнувшись, но явно стараясь держать спину ровнее, с распущенными, но на сей раз хорошо расчесанными седыми волосами, под тем самым кленом, где мы с друзьями впервые собрались на нее поглазеть. На ней было что-то темно-красное, то ли пончо, то ли плед, и на фоне блистающего всеми оттенками красного и желтого клена она смотрелась особенно феерично. Но самое главное – она была не одна, и она... улыбалась. Я буквально замер

на нашем балконе, потому что только сейчас понял: она была, конечно, немолодой, но очень красивой женщиной, которую не то что старухой – тетей назвать было бы глупо! Рядом стояла и что-то увлеченно рассказывала ей другая женщина, совсем маленького роста, очень похожая на пожилую Валю из нашего с бабушкой любимого фильма «Офицеры».

Потом я и мои друзья видели их вместе не раз, в том числе и на той самой лавочке углового подъезда. Осенью, зимой. Ни о каких случаях нападения на пацанов мы больше не слышали, да их теперь невозможно было и представить – место кривой палки заняла прямая трость, а спина у «нашей ведьмы», как мы продолжали между собой называть эту женщину, почти распрямилась.

– Наверное, она повстречала еще более сильную волшебницу, которая теперь сама превращает ее в такую же добрую фею! – предположила как-то Женька, и даже Макс не стал с ней спорить. Если честно, перестав быть злой ведьмой и став милой, приветливой, хотя и по-прежнему малоразговорчивой дамой, она просто перестала быть для нас интересна.

Последний раз мы с Максом видели ее весной. Возле ее подъезда стоял грузовик, и мужики выносили из подъезда какую-то неброскую мебель. Она стояла рядом с небольшим чемоданом, а та женщина, Валя, с ней очень тепло прощалась. Мы с Максом помогли загрузить в кузов старое кресло, как вдруг «наша ведьма» повернулась к нам и очень медленно, тихо, заикаясь, но все же совершенно понятно сказала:

– Спасибо вам, мальчики! Вы извините меня и берегите себя, пожалуйста! – Оказалось, она навсегда уезжала в другой город к какой-то своей родне.

Ни я, ни бабушка не вспоминали о ней еще шесть лет. Весной 89-го, когда по телевизору показывали, как наши танки пересекают афганскую границу в северном направлении, бабушка крепко-крепко обняла меня, открыла секретер, достала запыленную бутылку коньяка, налила себе рюмку и впервые на моих глазах выпила.

– Ну все, теперь я могу быть спокойна, – сказала она и выпила еще одну.

Я был уже большой мальчик и знал, что она имела в виду: что меня, если я не поступлю в институт и попаду в армию, уже не заберут в Афганистан. Войска вывели за месяц до моего семнадцатилетия. Ребятам 1971 года рождения и моложе «выполнить интернациональный долг» не довелось. Притом что я знал парней всего на два года старше, которые радовались тому, что «еще успели» в Афган, – и вернулись домой «грузом 200».

Вечером того же дня, когда мы вышли вместе прогуляться во двор, бабушка спросила:

– Помнишь, как вы испугались тогда ведьмы из первого подъезда?

И рассказала мне ее историю. Эту женщину звали Вера Сергеевна. У них была чудесная семья: она и трое ее любимых мужчин. Мужчины часто и много играли в военные иг-

ры – все родные по отцовской линии были офицерами. Ее муж погиб в 1977-м на учениях в Туркмении. Старший сын, который закончил училище связи и стал офицером, был убит в Афганистане в день открытия Олимпиады-80. Младший поступал в педагогический, но недобрал один балл, попал в армию, а через два месяца вернулся к матери в инвалидной коляске. Двигать он мог только руками и головой. Сначала он много пил, почти год, потом еще почти год лечился, потом столько же не выходил из дома. И никогда не снимал тельняшку, которую подарили ему однополчане. Стал собирать-разбирать магнитофоны, коллекционировать редкие записи. Мать помогла ему устроиться на работу в студию звукозаписи. После окончания рабочего дня он иногда ночами оставался в студии и слушал, как сказала бабушка, «ужасно красивую и необычную западную музыку».

И вот однажды он попросил друзей сделать ему подарок – дать посмотреть на мир с высоты колеса обозрения в городском парке. Когда открытая кабинка поднялась на самый верх, он уговорил товарища пересесть напротив и сфотографировать его одного. Никто даже понять не успел, как это случилось, как он смог так молниеносно и ловко прыгнуть. Все забыли, какие у него стали сильные руки.

Вера Сергеевна долго лежала в больнице, а когда вышла, не могла говорить и превратилась в «ту самую ведьму». Ей нечего было делать одной в большой, некогда шумной трешке – и она переехала в однушку в нашем дворе.

Все это рассказал моей бабушке мужчина в военной форме – он оказался помощником военкома и давним приятелем деда. В тот день он наносил Вере Сергеевне ритуальный визит, и что-то пошло не так. Тогда, в самом начале афганской трагедии, в нашем городе еще не было никаких комитетов солдатских матерей, никаких организаций или сообществ, через которые матери и вдовы погибших на войне могли бы хоть как-то помогать друг другу. Все это появилось потом, а тогда – не было. Зато нашлась другая уникальная женщина – возможно, один из первых в стране психологов, кто профессионально и целенаправленно работал с родственниками погибших. Могу только догадываться, при каких обстоятельствах познакомилась с ней моя бабушка, но именно она отыскала в своих старых записях ее телефон и передала знакомому в фуражке. Чуть больше чем за полгода почти ежедневного общения эта женщина сделала чудо – превратила злую костлявую ведьму в добрую красивую Веру. Она оказалась сильнее тех сил, что сделали возможным лишить Веру всех ее мужчин. Вместе они победили.

– Так несправедливо... – глядя в окно на угловой подъезд, закончила свой рассказ бабушка. – В 45-м мы думали, что теперь войны будут только в песочницах, всерьез призывали запретить «зарницы» в пионерлагерях. А через сорок лет никто не знал, как помочь той, кого вы, индейцы сопливые, так легко прозвали ведьмой. И мы понятия не имеем, что будет еще через сорок лет, и много ли будет таких психологов,

чтобы, если случится горе, помочь тем девочкам, которым дарила яблоки Вера.

Конечно, я помню, как звали этого психолога. Я думал, не сочинить ли, не написать ли ради красивой концовки и вообще, что ее звали, например, Надя. Или Люба. Но передумал. Нет, ее звали красиво и совсем не по-русски: Гаянэ.

Первая любовь

Шестилетний мальчик познакомился с симпатичной ровесницей.

– Ты часто влюбляешься? – спросил мальчик.

– А я не знаю, что это такое, – ответила девочка. – Но мне иногда нравятся мальчишки. Поэтому я... вправляюсь.

– Даже слова такого не слышал! Нет, ты уж давай учись влюбляться. Как взрослые.

– А зачем?

– Ну, тогда мы сможем дружить, гулять вместе и даже обниматься!

– А я и сейчас так могу, – улыбнулась девочка. – И ты можешь, правда! Ну, мы вместе можем. Если я тебе нравлюсь, конечно. Это важно, чтобы нравилась.

Наверное, это был первый раз, когда я по-настоящему влюбился. До сих пор помню цвет ее платья, как у нее были зачесаны волосы, большую царапину на загорелой коленке и родинку на левой щеке. Ну и, конечно, как ее звали.

На что похожа мужская жизнь?

Мама улетела в командировку на Таймыр.

– Доброе утро, сын! Теперь у нас с тобой – целых четыре дня настоящей мужской жизни! – С этими словами отец нежно пощекотал мой нос своей фирменной бородой, и этот массаж привел меня в чувство быстрее, чем настежь распахнутая при минус двадцать форточка.

– А на что будет похожа наша мужская жизнь? – потянувшись, спросил я. И задал более конкретный вопрос: – Вот что у нас сегодня будет на завтрак?

– «Как хорошо без женщин и без фраз! Без горьких слов и сладких поцелуев!» – пропел отец и взглядом указал на гантели, намекая, что зарядка сейчас важнее недостойного мужчины трепа о еде.

Я любил делать гимнастику и выдержал еще несколько строчек из Вертинского, которым отец вслед за дедом укачивал меня с пеленок.

– «Как хорошо проснуться одному в своем уютном холостяцком флэте! – не унимался, уже отжимаясь, отец. – И знать, что ты не должен никому давать отчеты. Никому на свете!»

Я понял, что не знаю еще многих радостей жизни, и твердым тоном сообщил:

– Папа, я есть хочу! Мама обещала, что ты готовишь от-

личные завтраки!

Отец сжал губы, но посчитал возможным пропустить и этот вопрос мимо ушей, тем более что из ушей у него капала вода: он только что принял ледяной душ. Растираясь, он выдал, очевидно, свою любимую строфу, во все легкие, так что сверху постучали по батарее:

– «Как хорошо с приятелем вдвоем сидеть и пить простой шотландский виски!»

– Папа! У меня силы заканчиваются! – Глядя отцу в глаза, я уронил гантелю на пол.

Теперь по батарее застучали уже снизу, и отцу пришлось перевести беседу на кухню.

– Белый медведь может жить на подкожном жире две недели! – воодушевленно сообщил отец, закулив и откупорив бутылку пива. – Верблюд способен прожить без еды...

– Папа! Или давай мне этот шотландский виски или это противное пиво, или я сейчас плакать буду!

В четыре года мне казалось, что шотландский виски – это что-то типа замороженного ананаса из северного завоза. Я любил, когда отец прикалывается, но свои права тоже знал.

– Ну что ж, язык угроз, конечно, недостойн дипломата, но для пролетариата вполне сойдет, а ты ведь, сынок, хочешь в пролетариат податься?

Я не мог еще четко выговорить это страшное слово, но знал, что оно связано с огромными плакатами, рабочими спецовками, молотками и еще рядом слов, которые я слы-

шал, но пока не понимал.

– Я хочу быть архитектором! – обиженно напомнил я. – Дома строить, чтобы не на сваях. На сваях некрасиво.

– Ну вот и отлично! – обрадовался отец. – Кто такой архитектор? Это человек, который сможет построить хороший дом, даже когда строить его особенно и не из чего. Вот пусть сегодня каждый из нас станет архитектором собственного завтрака! Ну-ка, посмотрим, что оставила нам наша заботливая мама!

Отец открыл холодильник и обнаружил там два десятка яиц, кусок масла, четыре аккуратно завернутые в «Заполярную правду» корюшки, полбатона черного хлеба и бутылку кефира.

– А гречневая каша?! – заплакал я.

С младенчества бабушка приучила меня к этому деликатесу настолько, что уже во взрослой жизни первым вопросом, который я задавал потенциальным подругам, был: «Что больше любишь – «Битлз» или гречневую кашу?» Самой умной оказалась восьмиклассница, которая ответила: «Я не представляю жизнь ни без того, ни без другого!» Надо было, конечно, сразу на ней жениться, но у нее были усы и большая попа, а внешность тогда для меня значила не меньше гречневой каши и уж точно больше ума и душевных качеств.

Но я отвлекся.

– Значит, так, сын! – Отец цепко взял меня за плечи. – Бабушка осталась на Большой земле. Там же осталась греч-

невая каша. Ты знаешь, мама все равно делает ее тебе по выходным, а сегодня как раз выходные, а мама уже на Таймыре с оленеводами чай гоняет... Но! – ободряюще поднял охотничий нож отец. – Настоящий мужчина знает пять способов приготовления яиц. А настоящий северянин – все десять.

– А чем северянин лучше мужчины? – дерзко поинтересовался я.

– А тем, что северянин, если надо, морозным воздухом завтракает, снегом обедает, водкой ужинает и морошкой закусывает. Так ты яйца будешь, бабушкин сынок?

И отец подошел к плите. Используя рюмки, он проделал в ломтях черного хлеба дырки, куда залил по яйцу и обжарил с обеих сторон. Получилось фантастически вкусно. Я и сейчас, бывает, использую сей рецепт. Еще отец откопал где-то пару банок тушенки. Итак, мой завтрак состоял из шикарной яичницы, тушенки, бутерброда с маслом и литра кефира. Завтрак отца был абсолютно идентичен, если не считать, что он щедро отказался в мою пользу от хлеба и кефира, а сам с грустью выпил двухлитровую банку пива.

Я мог бы рассказывать эту историю до бесконечности, растянув на все четыре дня. Замечу лишь, что на обед тушенки уже не осталось, а потому пришлось довольствоваться хлебом и яйцами всмятку. На ужин были яйца вкрутую с майонезом и сладкий чай. Утром я все-таки выгнал отца в магазин, но, кроме яиц, тушенки и макарон, он почему-то больше ничего не принес. Еще сутки мы экспериментировали с ита-

льянской кухней, после чего я еще лет пятнадцать оставался при твердом убеждении, что наша детсадовская повариха Валя варит макароны лучше всех на свете. К понедельнику мороз поднялся до минус сорока, и в детский сад, к моему величайшему разочарованию, мне пришлось не идти. Отец сам слегка захворал и стучал на своей пишущей машинке в нашей общей спальне-кабинете.

Я лежал на верхнем ярусе и листал «Веселые картинки», когда отец вдруг оторвался от своей писанины, поднял глаза и сказал:

– Короед, я обещаю, что научусь готовить как настоящий корабельный кок! Договорились?!

– Договорились! – довольно ответил я и задал давно мучивший меня вопрос: – Папа, а почему здесь на кровати только дерево, один слой войлока и простыня? И никакого матраса. А матрасы есть, я у Костика дома видел...

Лицо отца снова стало суровым, как у полярника после зимовки на льдине.

– Рахметов на гвоздях спал. Чапаев на досках. Для позвоночника полезно. Понял? Ну вот и отлично. Ужинать пошли!

На яйца я смотреть уже не мог. А потому буквально рукоплескал идее отца приготовить маме сюрприз. Она должна была вернуться рано утром, и в духовке ее должен был ждать однозначный победитель всех наших импровизированных кулинарных конкурсов: море тушенки, море яиц и жареные гренки!

От своей порции яиц и тушенки мы с отцом оба, не сговариваясь, отказались ради мамы.

А наутро нам позвонили и сказали, что из-за нелетной погоды рейс переносят еще как минимум на двое суток.

Первый шаг к свободному плаванию

– Может, хватит тут уже брачные игры устраивать, молодые люди? Может, пора за ребенком своим посмотреть, пока он пожар на пляже не устроил?!

Молодые люди – это мои мама и папа. Они утром прилетели из Заполярья в благоухающий инжиром и морем Новый Афон и теперь со счастливым неистовством на вкус и на ощупь изучали новую планету: соленый прибой, горячую гальку, мелких медуз и, в рамках приличия, разумеется, друг друга. Проще говоря, они плескались в волнах, как дети, пока их собственный ребенок, то есть я, изучал эффект воздействия солнечных лучей на предметы с помощью увеличительных призм. Родители накануне подарили мне лупу, и к моменту, когда грозная тетя, напоминающая героиню «Ну, погоди!» (помните маму-свинку с толстыми ножками в крохотных туфельках?), решила призвать их к порядку, я уже произвел пару успешных, с моей точки зрения, экспериментов. Самым удачным оказался момент, когда я, а вслед за мной и пожилой муж этой тети, убедились: при достаточном приближении лупы газетная бумага воспламеняется и сгорит за доли секунды. Все бы ничего, но в данном конкретном случае газета служила дяде панамой, и слава богу еще, что лежал он на животе, а газета – у него на спине и частично на затылке...

Через минуту полпляжа покатывалась от хохота, но часть наиболее социально активная и агрессивная, во главе с «тетей-свинкой», устроила импровизированное партсобрание-судилище. В числе отягчающих обстоятельств назывались мамин раздельный купальник, отцовские джинсы с за океанским ремнем, а также моя майка с изображением шимпанзе и идеологически выверенной надписью на вражеском языке «Remember your father?». Кто-то даже умудрился повысить мою самооценку, предложив исключить из октябрят. Увы, это было невозможно, поскольку мне едва исполнилось пять лет, а в октябрята принимали только в семь.

Тут хранивший до сих пор партизанское молчание отец решил положить конец театру абсурда и внес трезвое предложение:

– А давайте мы его в наказание сожжем?

– Чё-чё? – переспросила жертва моего эксперимента с огнем.

– Сожжем прямо здесь, как Джордано Бруно! Ну-ка, тащите сюда все свежие газеты! Наташа, привяжи пока этого короеда... вон к той кабинке для переодевания!

– Но, Саша! – вскричала мама. – Она же железная и так от солнца раскалена!

– Отлично, значит, быстрее поджарится! Я не знал, плакать мне или смеяться, ведь даже если отец просто собрался проучить меня, урок жизни все равно обещал быть болезненным. Плюс эта тетка-свинина в фетровой шляпе (вот на

чем надо было лупу испытывать! – уж очень обидно звучал весь ее словесный поток в адрес всей нашей семьи).

– Да они свихнулись совсем! – закричал кто-то. – Милицию надо скорее звать!

– Ах так?! – аки разъяренный волк, обнажил зубы отец. – Тогда мы его просто утопим!

Правой рукой он схватил в охапку меня, левой – только что купленный огромный надувной матрас и устремился к морю. Минутой спустя все наше счастливое семейство покачивалось на волнах. В воздухе приятно пахло надувным матрасом, йодом и водорослями. Из-за крика чаек народа на берегу слышно не было, но мама все равно изредка поднимала голову и покачивала головой:

– Саша, по-моему, они с нами еще не закончили. Они на нас в бинокль смотрят!

– Это они на тебя, точнее, на твой купальник в бинокль смотрят, – логично заключил отец и повернулся ко мне: – А знаешь что? Я же обещал им тебя утопить!

– Саша! – схватила отца за руку мама.

– А настоящий мужчина, как ты знаешь, всегда держит слово, – продолжал отец, строго, без усмешки глядя мне в глаза.

– Папа, не надо! Я же еще плавать не умею! – взмолился я.

– Мое дело – попробовать тебя утопить. Твое – попробовать не дать мне это сделать! – И с этими словами отец жестко столкнул меня с матраса.

Не знаю, что он сказал моей маме, она так и не вмешалась, но в эти секунды мне было не до раздумий. Это один из тех немногих моментов в жизни, которые помнишь до мельчайших деталей, вот буквально все, что ты видел, представлял, чувствовал. Все, что я написал до этого, – зарисовка по моим воспоминаниям, со слов родителей и их друзей. Но именно эти несколько секунд, кроме меня, никогда не опишет никто. Я не успел испугаться. От толчка я сразу ушел под воду. Я не закрыл глаза и видел над головой играющий в солнечных бликах синий угол матраса. Я сделал неосознанное движение обеими руками и вынырнул из воды. Я не смог крикнуть «Мама!», наверное, потому, что важнее было сделать вдох. Я лишь понял, что матрас удаляется от меня, а люди вокруг вообще не обращают никакого внимания. Я снова оказался под водой и увидел дно – до него было еще далеко (на самом деле, видимо, не больше метра), под ногой вдруг оказался какой-то валун, я оттолкнулся от него, сделал еще несколько движений руками, снова увидел небо, солнце, глубоко вдохнул, и в тот самый момент, когда у меня появилось время по-настоящему испугаться и одновременно разозлиться на весь свет, я понял, что не просто держусь на воде, а... плыву! Плыву! Конечно (как потом выяснилось), плыву «по-собачьи», дрыгая, но я плыл, плыл, как взрослый, и вообще не уставал! В нескольких метрах от меня с матраса за мной наблюдали родители.

«Я плыву!» – заорал я им, снова нырнул, наглотался во-

ды, вынырнул и на сей раз осознанно поплыл к обросшей ракушками дамбе на расстоянии, как мне раньше казалось, целой вселенной от берега. Теперь мир стал меньше, и через несколько секунд я вне себя от восторга и величайшего на свете чувства победы над самим собой вальяжно восседая по пояс в воде на дамбе, рвал водоросли и очень жалел, что рядом нет знакомой девочки из детсада, которая могла бы стать свидетелем моего триумфа. Я совершенно забыл про родителей. Я снова нырнул, поплыл вдоль дамбы и даже рискнул повелительно махнуть какому-то пацану-ровеснику с желтым надувным кругом на шее.

В моей жизни потом было много счастливых моментов. Но качество этого, пожалуй, сравнится только с тем, что серферы называют состоянием *natural high*, когда ты впервые встал на доску и оседлал свою волну.

– Я горжусь тобой, мышонок! – Мама просто светилась счастьем, а я и не заметил, как ткнулся носом в их матрас.

– Он больше не мышонок, он дельфиненок, пора отпускать в свободное плавание, – потрепал за волосы отец и помог взобраться на матрас.

Я недолго раздумывал, обижаться на отца или нет, хотя страх еще не раз возвращался потом ко мне, когда я вспоминал, как все произошло. Еще какое-то время мы молча лежали вместе. Мама с папой держались за руки, я считал облака и улыбался. Потом, ближе к берегу, адреналин взял свое, и я зубами вытащил пробку подкачки воздуха. Под зло-

вещее шипение и общий хохот вперемишку с отцовским «Ну екарный бабай!» мы втроем свалились в море и продолжили борьбу за жизнь уже на мелководье.

На берегу рядом с полотенцами и одеждой нас поджидала парочка пожилых активистов и два милиционера в белоснежных рубашках. Они вежливо попросили предъявить документы. Что я помню с раннего детства – так это то, что у родителей всегда были с собой редакционные удостоверения, которые они называли «корочками». Эти «корочки» потом на моих глазах творили чудеса в самых разных ситуациях, от прохода на модную премьеру до спасения товарища из КПЗ. На сей раз, бросив короткий взгляд на документы, один из милиционеров с добродушным кавказским прищуром поинтересовался:

– Ну как, нравится у нас мальчику купаться?

– Этот юный мужчина сегодня сделал свой первый шаг к свободному плаванию, – гордо объявил отец. – Кстати, товарищи, не посоветуете, где в вашем чудном городе можно культурно это историческое событие отметить?

Темнота и пиво – друзья белых медведей

Первый наш по-настоящему мужской разговор случился в Норильске, куда мои родители отправились после окончания ЛГУ «за туманом и за запахом тайги». Ну и за деньгами, конечно, – репортерская зарплата отца в «Заполярной правде» была не ниже, чем у полит-обоза в «Известиях», а по приезде на Север отец сразу получил огромную по тем временам двушку.

– Ну что, можно здесь жить? – спросил нас с мамой отец, когда мы зашли в пыльный, абсолютно пустой фрагмент гигантской холодильной камеры.

Мама ничего не ответила и сделала глоток из походной фляжки. Отец залпом допил остальное, и они с мамой начали целоваться. Оторвавшись на секунду, отец глубокомысленно изрек:

– Тепло в доме создают люди! Это меня белые медведи научили.

Где здесь логика и чему еще белые медведи научили отца, я узнал позже, зато уже через пару дней в нашей двушке стоял крепкий аромат свежего дерева, кофе и горькой настойки на морошке. А еще через неделю бетонная коробка превратилась в уютную берлогу, где все предметы мебели, включая кровати, кресла, стеллаж, полки для книг, – все было сдела-

но руками отца и его друзей.

У нас даже появился телевизор, и по вечерам мы втроем смотрели по нему какой-нибудь «художественный фильм». Мне было меньше четырех лет, и я любил эти фильмы только за то, что у нас была возможность целых полтора часа сидеть втроем в темноте. Мама пила чай, обнимала меня, перебирая мои густые уже волосы, а отец пил пиво, курил трубку и иногда умудрялся обнимать нас обоих. Случалось, обливал пивом, бывало, посыпал пеплом, но, пожалуй, в те времена я иначе и не представлял себе счастье.

В такие вечера в городе часто выключали свет: мол, ночью народ спать должен, а если каким извращенцам читать надо, пусть ручные фонарики крутят. Когда не было света, а из расположенной в другом конце квартиры кухни нужно было что-то принести (чаю, конфет или, чаще всего, пива), отец просто вставал и приносил все, что нужно, сам.

Но на сей раз все произошло иначе. Может, ночью белые медведи нашептали отцу, что настало время инициации спиногрызов, а может, он просто захотел восстановить репутацию перед мамой, которой я полдня помогал мыть посуду, чистить картошку и затачивать карандаши.

– Короче, короед! – ласково обратился он к сынишке. – Ты еще конфет хочешь?

– Саша, да он уже полтарелки слопал! – возмутилась было мама, но жесткий взгляд отца дал понять, что на сей раз хозяин берлоги знает, что делает.

– Конечно, хочу! – захлопал в ладоши я.

– Медведи любят сладкое... – с мечтательным пониманием произнес отец, отпил из бутылки и резюмировал: – Вот, сходи на кухню и принеси. Заодно можешь маме к чаю печенья захватить.

Я пулей устремился в коридор и только тут понял, на что решился. Каждый шаг погружал меня в зловещую темноту полярной ночи. Голосов родителей слышно не было, вместо них гремел какой-то странный мужской бас, а черно-белые блики бегали по потолку, словно привидения. Еще через два шага темнота стала абсолютной. Я прикоснулся рукой к холодному металлу замка. В этот момент скрипнула дверь одной из смежных комнат, а из квартиры сверху (видимо, тоже из телевизора) раздался страшный мефистофельский хохот. Понятно, тогда я слабо себе представлял Мефистофеля, но ощущение страха, накрывшего меня с головой, мне, сегодняшнему, передать невозможно.

Через секунду я уже рыдал у мамы на коленях, а отец, шпигуя корюшку, констатировал:

– Бабушкино воспитание. Мужуку четыре года, а он темноты боится. На санках под откос – не боится. Ключкой в нос – не боится.

А пройти несколько метров по родной квартире – в штаны наложил!

– Ничего я не наложил! – огрызнулся я. – Даже ты, когда ночью ходишь, фонарик берешь...

– Пожалуйста! – И отец с провоцирующей улыбкой протянул мне фонарик.

Я вытер слезы, крепко сжал фонарь и с обиженной решимостью пойманного «на слабо» ребенка шагнул в бездну двухкомнатных казематов. До кухни я почти дошел, но тут ударился лбом об открытую дверь ванной. Отраженный от свежешовешенного зеркала свет фонаря отправил меня в зазеркалье, но совсем не то разноцветное и наркотически-преlestное, о котором писал Кэрролл. Вывыв от боли и обиды, я вернулся к маминым коленкам.

– Дубль два, – хладнокровно констатировал отец. – Так что там этот Фантомас?

Я невольно посмотрел на экран и взглянул в глаза самой ужасной маске из всех, что видел до сих пор. Особенности советского телевизора и антенны делали лицо Жана Марэ настолько физически безобразным, что я снова вскочил и, забыв про фонарик, бросился в темноту. Опомнился уже на кухне. Я стоял у окна, вдыхал аромат отцовских бычков и смотрел, как в ночи, при свете мутной луны, опираясь на ветер, куда-то плетется одинокий силуэт.

И вдруг я понял, что я сделал это! Я прошел всю темную квартиру, потому что вообще ни секунды не думал о темноте! Нашупав спички, я поставил чай, собрал в вазу конфеты и направился к родителям.

Мама обняла меня, а отец сделал три одобрительных хлопка.

– Поздравляю, сын мой! – сказал он голосом хмельного индейского вождя. – Ты победил темноту, потому что ты за-был о ней. А теперь проделай тот же маршрут, только думай о ней все время, думай про темные кресла вокруг, про полки, про кран в ванной...

Но меня уже не надо было заставлять. Все, чего мне хотелось, – это развить чувство победы. Я неторопливо устремился в коридор, стараясь разглядеть контуры знакомых предметов. Я представлял себя в волшебном царстве, где все оживает именно ночью... В общем, скоро из кухни родители услышали мой бодрый голос:

– А сейчас что принести?

На сей раз я принес отцу еще пива.

«Фантомас» уже закончился, но вечер заканчивать не хотелось.

– Мама, а давай я и тебе пива принесу? – предложил я.

Еще через пару минут мы все так же, обнявшись, сидели, а отец «травил» свои медвежьи байки.

– Следующий шаг – научиться, как кошки, вести себя одинаково, что днем, что ночью...

– Папа, но ты же про медведей говорил!

– Кошки, медведи – ночью их все равно не видно... Так вот, о чем это я? А теперь мне пора пойти прогуляться в нашу «тундру»! Сынок, я рад, что ты теперь всегда сможешь принести мне пива. Но вот беда, вылить его обратно за меня ты уже не сможешь...

Ближе к утру мать с отцом, разбуженные диким грохотом, помятые, но приятно возбужденные, вбежали в мою комнату (она одновременно служила мне детской, а отцу кабинетом). Я умудрился навернуться со второго яруса кровати, приземлиться на дубовый стол и разбить папину лампу. Обнаружив, что со мной все в порядке, мама погладила отца по животу и, зевнув, заключила:

– Это, Саша, твоя школа белых медведей. Малыш учится ориентироваться в берлоге одинаково хорошо и ночью и днем. Скажи спасибо, что он к нам еще не залез.

– Да, сынок! – назидательно поднял палец отец. – Находить ночью дорогу к берлоге родителей мы будем учиться в следующий раз!

Хорошую религию придумали индусы

«Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса, кто ни во что не верит, даже в черта назло всем... Хорошую религию придумали индусы, что мы, отдав концы, не умираем насовсем!»

Я не видел отца почти два года, и вот теперь, летом 84-го, мы снова сидели вместе на диване нашей огромной лоджии – единственного неоспоримого достоинства стандартной двушки орловской девятиэтажки. Точнее, я больше не сидел, а прыгал и позировал отцу в сшитых золотыми бабушкиными руками на машинке «Зингер» индейских и ковбойских костюмах. Отец «щелкал» меня на свой «Фэд» и на мой «Зоркий».

– Суровее лицо, ты же вождь племени сиу! – командовал отец. – А теперь, наоборот, улыбка до ушей, ты же беззаботный американец, Верная Рука, друг индейцев!

Гордостью моего сегодняшнего «гардероба» был привезенный с Камчатки подарок отца – ожерелье из гигантских клешней камчатского краба. Я уверен, такое бы оценили не только мои соплеменники-орловчане, но и самые настоящие американские индейцы, алеуты и эскимосы!

Оба мы были бодры и веселы, отец травил байки о походах на Ключевскую сопку, а я показывал ему собственноручно сделанные луки, томагавки и составленный за год словарь

индейских слов. Играл и пел наш любимый Высоцкий, короче, это был один из тех счастливых дней моей жизни, который бы я, наверное, в любом случае запомнил надолго. Но случилось так, что произошло еще кое-что, благодаря чему я запомнил этот день и наш с отцом разговор на всю жизнь.

Сейчас-то я точно знаю, что герой мультфильма «Кунг-фу Панда» прав и случайное неслучайно. Тогда же я только пару часов спустя задумался об этом совпадении, о том, почему именно в этот момент зазвучала именно эта песня.

С улицы раздался истошный женский вопль, потом еще один, потом прозвучали смешанные одновременно с богом и матом мужские ругательства, затем все это перешло в один сплошной гул. Мы с отцом перегнулись через перила и вгляделись в дорогу, обычную проезжую часть улицы Горького на расстоянии сотни метров от нашего дома, через которую я каждый день ходил в свою 19-ю школу. С балкона третьего этажа все было видно как на ладони. Прямо посреди дороги ничком лежал парень лет шестнадцати, разглядеть можно было только часть лица, но, кажется, я не раз видел этого парня в нашем районе. Его длинные русые волосы были необычно пышно разбросаны на асфальте вокруг головы, за которой обильно, как теперь часто показывают в кино, расплзалась лужа крови. В паре метров от него стоял грузовик, возле огромного колеса которого, сложившись пополам, плакал и трясся всем телом водитель. Неподалеку валялся нерасшнурованный синий кед. Зеваки собирались

очень быстро, буквально через минуту было видно только толпу.

Сначала отец схватил меня за плечи и со словами «Не стоит на это смотреть, сынок!» попробовал увести с балкона. Но я отдернул руку и побежал убавить звук на магнитофоне. как раз сейчас звучали строчки типа «Живи себе нормально-ненько, есть повод веселиться, ведь, может быть, в начальника душа твоя вселится!»

– Папа, все нормально, – сказал я отцу. – Мне же уже через полгода тринадцать лет будет. Этот мальчик из другой школы, мы незнакомы, так что, если ты за меня переживаешь, то не надо, правда. Хорошо, что бабушка не дома еще...

– Смерть это все равно всегда страшно, разве нет? – спросил отец, доставая сигареты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.